

Тамара Лённгрен

СЛОВО ГЛАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ
(заметка об использовании Уппсальского корпуса русских текстов)

1. Мнение о том, что одним из самых надежных источников лингвистических исследований в современных условиях являются именно корпуса текстов, прочно утвердилось во многих работах. Парадигма исследований, в основе которых лежат корпуса текстов, охватывает самые разные направления современного языкознания.

В подтверждение сказанному может быть упомянута хотя бы конференция «Корпусы текстов и базы данных как лингвистический источник», которая прошла 14 марта 1995 года в Институте русского языка РАН, в Москве. Само название этой конференции достаточно ясно определяет предмет дискуссии, а тематика прочитанных докладов свидетельствует о том, что корпуса текстов находятся в центре внимания самых разных лингвистических исследований. Так, например, на конференции обсуждались проблемы использования базы данных в исследованиях по агиографии XIV — XVIII вв., диалектологии, социолингвистике, лексикографии и т. д.

2. Задолго до того, как состоялась названная конференция в Москве, в Институте славянских языков Уппсальского университета был составлен Корпус русских текстов (см. об этом подробнее в описании, помещенном в *Частотном словаре*, 1993:9-18).

О возможностях использования этого корпуса шла речь, в частности, и на минисимпозиуме, организованном в Уппсальском университете в ноябре 1993 года при участии директора Института русского языка РАН Ю. Н. Караулова.

В основу предлагаемой статьи положено сообщение, сделанное мною на этом симпозиуме. Но прежде чем приступить к рассмотрению основной проблемы этой работы, построенной на материале корпуса, мне хотелось бы вкратце упомянуть о некоторых уже имеющихся результатах использования корпуса как в преподавательской, так и в исследовательской работе.

2.1. Во-первых, этот корпус является незаменимым «подручным» материалом для преподавателей русского языка при составлении учебного материала для занятий со студентами разных уровней. Так, например, мною был составлен курс для студентов уровня Д «Употребление русских префиксальных глаголов»: сначала студенты знакомились с типичными контекстами употребления этих глаголов в русском языке на фрагментах материала, помещенного в *Сборнике упражнений по лексике русского языка* (1989), а затем анализировали контексты, специально подобранные из корпуса. Именно обращение к материалу корпуса дает возможность обучать студентов *нормальному* русскому языку, а не только русскому языку для иностранцев, который существует только в *специальной* литературе для изучающих русский язык.

2.2. Во-вторых, корпус дает хорошие возможности для сопоставления лексикографического представления слова в словаре и реального его функционирования в современном языке. Так, например, в МАС, БАС, СО слово *сауна* дано как нейтральное, без каких-либо стилистических помет, но обращение к материалу корпуса показывает, что во всех приведенных контекстах это слово имеет пейоративный оттенок значения (Лённгрен, Т., 1993:132-4).

2.3. В-третьих, этот корпус, составленный на базе литературного языка, является надежным материалом для исследования семантических различий слов, общих для литературного языка и рус-

ских народных говоров. Чаще всего, до появления корпуса, главным критерием относительно литературного языка было языковое чутье исследователя; сейчас собственное языковое чутье можно сверить с корпусом. В этом направлении были исследованы слова *явиться/являться, родить/рождать, найти/находить, принести/приносить, привести/приводить, набрать/набирать* и др. (Лённгрен, Т., 1994:82-133).

2.4. В-четвертых, корпус позволяет проводить разносторонние исследования так называемых *ключевых слов*. Проблема этих слов активно обсуждается в направлениях лингвистики, непосредственно связанных с изучением языка как неотъемлемой части истории и культуры народа. Как известно, задача исследования ключевых слов — не из легких. Р. А. Будагов, в частности, указывал, что «весьма трудно не только 'фиксировать' такие слова, но и определять их количество, частотность, их отношение к другим словам, часто употребляемым в языке» (1973:393).

Отправной точкой для изучения таких слов может быть Приложение № 7 «Лексемы, наиболее характерные для специальной литературы» из упомянутого выше *Частотного словаря*, составленного на базе корпуса. Проблема *ключевых слов* дает возможность задуматься над вопросами не только частного, но и общего характера.

Так, например, на вопрос, сформулированный Косериу: может ли естественный язык быть языком современным в том смысле, в каком говорят о современной технике и современном искусстве? — сам Косериу в свое время ответил отрицательно: техника действительно изменяется кардинально, в то время как язык всегда сохраняет преемственность традиций. В языке могут появляться новые слова, в том числе слова-ключи, но они не в состоянии сделать язык «современным» (цитируется по Будагов, 1973: 395).

В качестве некоторого возражения германскому филологу, изменим формулировку вопроса: может ли быть язык таким же несовершенным, как устаревшее техническое изобретение, например, первые ЭВМ, прародители нынешних компьютеров или первые автомобили? Отдельные слова, которые получили название *архаизмы*, остаются на том же уровне, как и устаревшее техническое изобретение, например, *патефон*, *грамофон* и т. д. Язык же, как часть самого человека и его жизни, вряд ли может не быть современным: скорее всего, язык так же современен, как и его носитель — человек.

Для каждой исторической эпохи можно определить ключевые слова, но человек и его проблемы, изучение и познание самого себя, человека — эго- и антропоцентризм — были и остаются вечными, а потому современными.

Актуальность эго- и антропоцентризма находит непосредственное отражение и в языке. Так, например, обращение к Приложению № 8 «Лексемы, наиболее характерные для художественной литературы» из названного *Частотного словаря* свидетельствует о том, что первое место в языке художественной литературы занимают слова *он*, *я*, *она*, *ты* ... и *глаз*.

Итак, как уже известно из названия, в этой работе речь пойдет о самом характерном для художественной литературы имени существительном — слове *глаз*.

3. Из *Частотного словаря* (1993:115) следует, что лексема *глаз* занимает первое место среди знаменательных слов, наиболее характерных для художественной литературы. Всего в текстовом корпусе, на базе которого составлен названный словарь, отмечено 971 употребление лексемы *глаз*, из которых 862 приходится на художественные тексты (= ХТ) и 109 — на специальные тексты (= СТ): 862/109 соответственно.

Цель предлагаемого исследования сводится к следующему:

1. описать количественные характеристики числа и падежа слова *глаз* в ХТ и СТ, а также установить, какая доля в каждой исследуемой группе приходится на фразеологические сочетания (= ФС);
2. исключив контексты, включающие ФС со словом *глаз*, исследовать некоторые контексты с данным словом, используемые в художественных описаниях внешности и состояния человека.

4. Статистическая обработка материала с точки зрения употребительности категорий падежа и числа слова *глаз* в ХТ и СТ (см. ниже таблицу № 1) показала, что: 1) это слово употребляется преимущественно в форме мн. ч. как в ХТ (802/60), так и в СТ (81/28), но в СТ удельный вес формы ед. ч. больше, чем в ХТ; кроме того: а) форма мн. ч. *глаза́* (И/В. п.) ощутимо доминирует над формой ед. ч. *глаз* (И/В. п.) как в ХТ (410/28), так и в СТ (36/14); б) форма *глаза́* сильно преобладает над формой ед. ч. Р. п. *гла́за* как в ХТ (410/3), так и в СТ (36/4); 2) форма Т. п. мн. ч. *глаза́ми* встречается чаще, чем Д. п. мн. ч. *глаза́м* и Т. п. ед. ч. *гла́зом* как в ХТ (195/20/22), так и в СТ (11/4/4); 3) незначительное расхождение между ХТ и СТ наблюдается в употреблении предложных форм *на глазах* и *в глазах* — ХТ (37/47) и СТ (13/7); 4) различие между ХТ и СТ прослеживается в употреблении омонимичной формы *глаз* ед. ч. И/В. п. и Р. п. мн. ч.: в СТ форма И/В. п. ед. ч. встречается чаще, чем форма Р. п. мн. ч. (14/10), в то время как в ХТ существенно преобладает форма Р. п. мн. ч. (93/31); 5) омографическая форма *глазу* представлена шестью примерами в СТ (*в глазу́* — 3, *гла́зу* — 3) и тремя в ХТ (*в глазу́* — 1, *с гла́зу* — 2); 6) только в ХТ отмечены формы *глаза́-то* (2 примера) и *в гла́зе* (1 пример).

Таблица № 1. Слово *глаз*: распределение по словоформам

	И	В	Р	Д	Т	П	Сумма
Ед. ч.							
ХТ	24	7	5	-	22	2	60
СТ	9	5	4	3	4	3	28
Сумма	33	12	20	3	26	5	88
Мн. ч.							
ХТ	196	214	94	20	195	84	802
СТ	7	29	10	4	11	20	81
Сумма	203	243	103	24	206	104	883

4.1. Учитывая количественные отношения, исследуемый материал, т. е. все контексты, включающие разные формы слова *глаз*, условно можно разделить на пять групп: I группа — форма *глаза́*. В этой группе объединяется 243 (214/29) употреблений в ХТ и СТ в форме В. п. мн. ч. и 203 (196/7) употребление — в форме И. п. мн. ч.; II группа — форма Т. п. мн. ч. *глаза́ми*: 206 (195/11); III группа — форма Р. п. мн. ч. *глаз*: 103 (93/10); IV группа — форма ед. ч. И/В. п. *глаз*: 45 (31/14) употреблений; V группа — прочие: 130 употреблений, содержащих другие формы слова *глаз*.

4.2. Как следует из *Фразеологического словаря*, 1968, слово *глаз* в русском языке употребляется во многих (более 100) ФС, что находит отражение и в исследуемом материале: почти в 1/4 части всех примеров данное слово употребляется во ФС. В связи с этим представляется целесообразным выяснить: 1) какая доля в каждой исследуемой группе приходится на ФС; 2) есть ли разница в употреблении ФС в СТ и ХТ; 3) если такая разница есть, то какие ФС употребляются как в СТ, так и в ХТ, а какие — наиболее характерны для каждой из них.

4.2.1. В I группе ФС отмечены в 68 (40/28) примерах с формой В. п. и 9 (3/6) с формой И. п. Приведенные данные показывают, что в этой группе ФС пропорционально намного больше в СТ, чем в ХТ: из 36 примеров СТ 34 представляют собой ФС, в то время как в ХТ из 229 примеров только в 42 есть ФС. Из 34 ФС в СТ больше половины, 18 примеров, содержит ФС *бросаться в глаза*, 5 примеров с ФС *закрывать глаза на...*, 4 — с ФС *открывать глаза на...*

Общим для ХТ и СТ является ФС *бросаться в глаза*, но оно совсем не так типично для ХТ, как для СТ: это ФС встретилось только в четырех примерах ХТ из 42 *в глаза*. Следует указать на то, что в этой группе для ХТ труднее, чем для СТ, определить наиболее употребительные ФС. Так, например, можно выделить, кроме названного ФС *бросаться в глаза*, только еще 3: *попасться на глаза*, *в глаза не видеть*, *за глаза*, встретившихся в ХТ по 4 раза. Большая же часть ФС в ХТ — единичные или повторяющиеся не более двух, редко трех, раз, например: *глядеть во все глаза*, *показаться на глаза*, *кинуться в глаза*, *мозолить глаза*.

4.2.2. Во II группе ФС отмечены в 34 (27/7) примерах. Как и в предыдущей, в этой группе ФС пропорционально намного больше в СТ, чем в ХТ: из 11 примеров СТ в 7 есть ФС, в то время как в ХТ из 195 примеров только в 27 есть ФС. Разница заключается в том, что в СТ и ХТ употребляются преимущественно одни и те же ФС: *перед глазами* и *своими глазами*.

4.2.3. Третья группа по количеству ФС противопоставлена предыдущим двум: в СТ отмечено только одно ФС: *с глаз долой*, а в ХТ — 3: *хозяйские глаза*, *не спуская глаз*, *не казать глаз*.

4.2.4. В IV группе ФС отмечены в 34 (19/15) примерах. Общим для СТ и ХТ является ФС *на глаз*, которое встретилось только один

раз в СТ и два — в ХТ. Для некоторых ФС (из ХТ) этой группы характерна стилистическая маркированность, например, *«положил на нее глаз», «ложили на нее глаз», дурной глаз, глаз воротит.*

4.2.5. Среди примеров V группы особого внимания заслуживают предложные сочетания *в глазах* и *на глазах*. В исследуемом материале эти сочетания встречаются в 104 примерах, в 56 из которых они выступают как ФС. В СТ все 13 сочетаний *на глазах* — ФС, а из семи *в глазах* — 4 приходится на ФС. В ХТ из 37 сочетаний *на глазах* 25 приходится на ФС, а из 47 *в глазах* — 7 приходится на ФС.

Из 23 примеров, включающих форму Д. п. мн. ч. *глазам*, ФС содержатся в 8 (6/2) примерах, в семи из которых отмечено ФС *не верить глазам своим* и в одном (ХТ)— *верить глазам своим*.

К ФС относятся сочетания *в чужом глазу, в собственном глазу, как бельмо в глазу*, которые встретились по одному разу только в ХТ, а также ФС *с глазу на глаз*, отмеченное дважды тоже только в ХТ.

5. Как и следовало ожидать, большое количество контекстов (почти 1/3 всего материала), включающих слово *глаза*, относится к портретному описанию литературных героев.

Примечательно, что больше таких примеров относится к описанию цвета глаз в мужских портретах (приблизительно 160), чем женских (приблизительно 120). Цветовая палитра на двенадцать тонов шире в описании глаз мужчин, чем женщин: всего отмечено 40 тонов, из которых 8 — общих, 17 — в описании женских глаз и 31 — мужских.

Кроме того, из атрибутов, общих для описания женских и мужских глаз, только «чистые» тона встречаются как в тех, так и в других описаниях: *черные, карие, серые, голубые, синие, зеленые, темные, прозрачные*. Следует особо указать на то, что не

встретилось в материале ни одного одинакового полутона в описании женских и мужских глаз.

Только в описании женских глаз отмечены следующие тона и полутона: *золотые, желтые, медовые, мутные, серо-голубые, желто-голубые, желто-зеленые, прозрачно-синие, прозрачно-голубые, ярко-синие, темно-каштановые.*

Как уже было сказано, очень большой набор цветов в описании мужских глаз: *лиловые, коричневые, светлые, кофейные, бесцветные, выцветшие, посиневшие, желтоватые, голубоватые, зеленноватые, голубенькие, светло-голубые, светло-серые, ярко-голубые, угольно-черные, с лиловым отливом, серые в синеву, серые с фисташковыми крупинками, голубоватые с мутноватинкой, чуть-чуть голубоватые, цвета льна, ясной воды и, наконец, белые, ясные, как хрусталь.*

В это перечисление не включено определение *красный*, которое авторы по-разному используют к слову *глаза*: если речь идет о глазах женщины, то *красные глаза* — это несчастные, заплаканные глаза, которые вызывают сочувствие, сострадание, в то время как *красные глаза* в портрете мужчины чаще всего вызывают осуждение или неприязнь.

То же самое касается и определения *сонный*: *сонные глаза* мужчины — неприятные; но если речь идет о *сонных глазах* женщины, то они *красивые* или даже *прекрасные*.

К стати, такое же явление наблюдается и в том случае, когда речь идет о веках: *тяжелые веки* в мужском портрете — это, чаще всего, опухшие, некрасивые веки, но *тяжелые веки* в портрете женщины — веки красивые.

Вообще, здесь, видимо, следует указать на то, что, описывая нездоровое физическое состояние, писатели тоже более щедры в описании глаз мужчин, в то время как через описание глаз в женском портрете чаще всего передается психическое состояние героини: *остановившиеся в жутком страхе глаза; решительное*

лицо с ввалившимися глазами; со строгой пеленой в потемневших глазах и т. д. И только в единичных случаях, например, в описании портрета уличной женщины, мы встречаем профессиональную маску с голодными провалами и темными провалами глаз, или (у пьяной) глаза стеклянные, как у козы.

Исследуемый материал производит такое впечатление, что мужчины вообще больше подвержены болезням или недомоганиям, чем женщины. Например, все следующие примеры относятся только к описанию портретов мужчин, и ничего подобного не говорится относительно женщин: *сонные в красных веках измученные глаза; от насморка слезились красные глаза; близко подносит книгу к близоруким глазам; тяжелый толстяк с базедово выпученными глазами; белые опухшие полукружья под глазами; под глазами набрякли мешки; слезящиеся, с красными белками, в красных веках глаза; под глазами синеют синячки, повествующие о грозящем ревматизме; синяки под глазами от усердия и т. д.*

6. Другой интересный момент в исследуемом материале — это синтаксические структуры, где слово *глаз* — субъект, а предикат выражен глаголом или именной конструкцией.

Типология таких предикатов может быть представлена пятью основными классами, которые, в свою очередь, подразделяются на подклассы: 1) движение глаз: а) собственно движение глаз: *косить, запасть, закатиться, выпучиться*; б) движение век: *мигать, прикрыть/-ся, полузакрыть/-ся, открыть/-ся; (не) видеть, круглиться, становиться луночками и почти исчезать, сойтись в щелочки*; 2) движение взгляда: а) однонаправленное: *побежать, скрыться; выглядывать*; б) разнонаправленное: *бегать, обегать, метаться*; 3) цвет: *золотиться, выцвести, подернуться серой пылью, посинеть, потемнеть, туманиться, становиться темней, замаслиться*; 4) свет: *заблестеть, потухнуть, тускнеть, яснеть, блестеть, сверкать, сверкнуть, сиять, гореть, загореться,*

поблескивать; 5) состояние: а) физическое: прозреть, слезиться, начинать болеть, оказаться в красном обводе, наливаться кровью, привыкнуть к полумраку; б) эмоциональное, психическое: страшиться, осмелеть, играть, не выдавать мучений, изобразить строгость, оставаться смеющимися; казаться дикими, казаться живыми.

Итак, здесь был рассмотрен фрагмент материала, относящийся к употреблению самого характерного для художественной литературы имени существительного — *глаз*. Нетрудно убедиться, что именно корпус текстов, то есть большой текстовый материал, иногда изменяет наше представление о самых, казалось бы, хрестоматийных истинах.

Библиография

- Будагов, Р. А., 1973, Несколько замечаний о «ключевых словах» в истории культуры. *Искусство слова*, Москва, 392-5.
- Лённгрен, Л. (ред.), 1993, *Частотный словарь русского языка*, Uppsala (=Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 32).
- Лённгрен, Т., 1993, Слово *баня* и его производные в русском литературном языке и в народных говорах. *Scando-Slavica*, 39, 128-48.
- Лённгрен, Т., 1994, *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине)*, Uppsala (=Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 34).
- Сборник упражнений по лексике русского языка*, 1989, Москва.
- Фразеологический словарь русского языка*. 1968, Москва.